

ИСПАНСКИЙ ГРАНД

Она сама не смогла бы вспомнить, когда это началось: вечерами она выплывает из смрадного склепа квартиры, пьяная, задиристо-беспечная, и, шатко чертя каблуками асфальт, переходит улицу под отчаянный вой автомобильных сигналов, под угрожающий визг тормозов, под шипение истирающихся шин — к трамвайной остановке напротив дома.

Вдалеке посреди колеи покажется яркий блин прожектора, и будут гудеть рельсы, пока не подкатит, гремя и вздрагивая, освещенный изнутри вагон. Она взбирается, спотыкаясь о ступени, держась за поручни, чтобы не упасть, улыбаясь. Садится где-нибудь у окна, и полы плаща сползают с ее колен.

Она смотрит по сторонам, в окно — в пространство. Потом к ней подсаживается одинокий мужчина, заговаривает, они едут, пропуская остановку за остановкой, пока трамвай не пускается в обратную сторону. Она выходит на своей же остановке в сопровождении нового знакомого, ведет его в немый, запущенный быт, а дома угощает попутчика водкой и жалуется на постыльную жизнь.

Хмелея, он тащит ее в кровать и, не дожидаясь рассвета, исчезает, обещая «как-нибудь заглянуть». «Ты классный пацан», — говорит она, прощаясь, и забывает о его существовании. Она помнит лишь последнюю свою привязанность — меланхоличного уродца-карлика на кривых, вздувшихся от какой-то болезни ногах. Он живет неизвестно где и придет неизвестно когда.

Ночь. Мокрый черный скользкий асфальт. Рябь в грязных лужах. Между домами сырой неуют. Оставив машину на автостоянке, Бугров добирается в гостиницу пешком — под подошвами гибнут, но вскоре воскресают отражения в лужах. В желтом свете маячит силуэт женщины, плывущей в мороси дождя навстречу подъезжающему к остановке трамваю.

У Бугрова в груди сладкий обвал — мечется, как дичь в клетке, предвкушение, и он взлетает на подножку трамвая. Дверь закрывается, прищемив Бугрову куртку. В движении он выдергивает ее и невольно, чтобы сохранить равновесие, бежит по салону, успевая заметить женщину — из-под голубого плаща видны колени.

Бугров тормозит руками о поручни, останавливается рядом с нею, забывшейся, и, наклонившись, просит подвинуться, чтобы сесть рядом. В салоне кое-где пассажиры и предательски пустуют места, но она без слов сдвигается и, когда он падает на сиденье, покорно поворачивает к нему лицо. По улыбке и глазам он видит, что она пьяна, но это лишь подзадоривает его. Он сетует на непогоду, и в ее чертах лица и в жестах чудится ему что-то неповторимо близкое, но прочно забытое. Он

роется в памяти, безуспешно силится вспомнить. Белокурый локон, убранный в сторону, стекает к губам. И в памяти открывается створ, исчезает пелена.

Тогда, лет десять назад, судьба свела его, искателя приключений, с хрупкой женщиной — голос ее звучал в проникновенной тональности. Она заговорила с ним о жизни. Пригласила к себе и все рассказывала о череде злоключений, преследующих ее: смерти родителей в родном селе, предательстве мальчика, которому подарила первую любовь, о напрасном замужестве.

Она привела Бугрова в квартиру, где снимала комнату, уйдя от мужа, и продолжила свой рассказ. Развод перенесла так напряженно, что потеряла уверенность в себя и веру. Состояние ее было подавленным. И как-то, во вспышке отчаяния и боли, попыталась свести счеты с жизнью под колесами железнодорожного состава.

Ее, рискуя жизнью, спас молодой человек, случайно оказавшийся рядом, студент-испанец. Придавил к шпалам. Избавлением прогромыхали над ними вагоны. Испанский Гранд — так назвала она нового и теперь безраздельно своего друга. В Испании у него семья: родители, жена, дети. Он говорил ей, что любая испанка, провожая мужа в дальние края, молится, чтобы муж нашел на чужбине добрую женщину, чтобы был он присмотрен, ухожен и не одинок.

Зажили вместе: она с ним, а он с нею и — воспоминаниями о семье. Одолев сессию, Испанский Гранд торопился домой, в родную Испанию. А она оставалась ждать своего дорогого испанца.

В такое время и состоялось ее общение с Бугровым. Она показывала ему фотографии в альбомах, все ее достояние. Далеко за полночь ушло время, погасили свет, но два молодых тела так и не слились в порыве — она осталась верна Испанскому Гранду, несмотря на пиратские ухищрения Бугрова.

Утром пришел хозяин квартиры, познакомился и за чаем рассказал Бугрову, что внук учится у его квартирантки испанской речи. Она принялась перемывать накопившуюся посуду. А Бугров ушел — навсегда, унося в памяти безнадежную любовь маленькой женщины к Испанскому Гранду. До поры до времени помнилось и — забылось.

В салоне трамвая Бугрову, пока он рассматривает изменения в ее лице, становится любопытно — а что же Испанский Гранд, где он теперь, жива ли любовь к нему хрупкой женщины, с которой лет десять назад он, Бугров, провел неразделенную ночь в маленькой комнате? Сохранились ли фотографии в альбомах? Хорошо ли говорит по-испански внук хозяина квартиры? Жив ли сам хозяин? Рассыпанные воспоминания трамвай вколачивает в стыки рельсов.

Бугров разговаривает с нею и начинает понимать. И ему становится не по себе от мысли, что той ее, прежней — хрупкой, с волнующе чистыми нотами в голосе — уже нет, что эта, теперешняя, лишь отвратительная гримаса судьбы — не ориентируется ни в прошлом, ни в настоящем, что исчезла навсегда бескорыстно-чуткая тональность ее души.

Осторожное напоминание об Испанском Гранде вызвало у нее сварливое недоумение. Мысль «как же это могло произойти» мучает Бугрова, и он решает проводить ее домой. Но побыстрее. На ближайшей остановке трамвая они выходят, и он подзывает такси.

Они едут, а потом идут к дому, и Бугров видит незнакомый двор, разбитые двери подъезда, старую лестницу, исписанные хулительно стены. Они поднимаются на второй этаж, он галантно берет у нее ключ, отпирает замок и, впустив женщину в коридор, останавливается. И — прощается, возвращает ключ и осторожно хлопывает снаружи дверь.

Он стоит еще некоторое время на площадке. По ту сторону слышится пьяное бормотание и то, как она шарит рукой по двери, как будто знает, что он не ушел. Но ей не удается открыть, она замирает и, всхлипывая, стонет: «Испанский

гранд... Испанский гранд...» Он с облегчением выходит из подъезда на уличный сквонзьяк, а мимо него в подъезд ковыляет карлик в шляпе с траурными полями.

ЗА ТЕХ, КТО В ТРАПЕЦИИ

Памяти Андрея Радзивилла

Чудак — над шортами мохнатое брюхо — вопросительным знаком сновал по горе. Предметами его любознательности были: устройство дельтаплана, теория полета, снаряжение и особенно — что ощущаешь, когда летишь. Он прилипал то к одному из нас, то к другому, и мы терпеливо объясняли ему, что к чему.

Вечерами в облепиховой роще, островком прижавшейся к кромке дороги, слышны голоса разных по возрасту, темпераменту и привычкам мужчин. Сквозь ветви прорывается разноцветье палаток. Льются долгие в сумерках беседы. А ближе к полуночи, когда догорают костры, к палаткам крадется тихий напев — это Валера Радзянив выуживает из свирели минорные звуки украинской песни. Сны слетаются под ее убаюкивающий зов.

Его жизнь прозрачнее воды из колодца. Уютная квартира во Львове. Работа — иной не надо. Родители живы-здоровы. Оба ребенка — мальчики. Супруга — как страж бытия. Отпуск — и Радзянив, подлатав дельтаплан, отправляется на полеты. В глазах светлячками упрямяство, смешливость и доброта.

И вмиг стало жарко и ветрено. Царствовало солнце, разбойничал ветер. Дельтапланы пришлось прижать парусами к земле и заякорить. Смирившись, мы изредка поглядывали ввысь. Там, в блаженстве и недосягаемости, кружили дельтапланы мятежников. Они вознеслись так высоко, что казались жаворонками, взлетевшими в час, когда воздух был бархатно свеж, а ветер с реверансами разносил прохладу.

Обычно открывает полеты Радзянив. Отчалит от склона, нащупает в воздухе восходящие потоки, зайдет на посадку. Приземлившись, отстегнет подвеску и остудит возбуждение новичка: «Не лезь раньше батьки в пекло». Или скажет: «Осторожно, мин нет».

Так повелось.

Наша толпа колыхнулась. Кто-то еще готовился стартовать. Я повернулся лицом к ветру. Завыло в ушах. Разметало полы расстегнутой рубашки.

— Почему, — спрашивал чудак — над шортами мохнатое брюхо, — у этого паруса глубокий вырез сзади?

— Подмечено в точку, — отвечал ему я, — там он как раз не работает.

Взлететь готовился Радзянив. Улыбающийся, он надевал подвеску.

В непогоду собирали сушняк для костра.

— Суеверия — родня инстинктам, — говорит Валера, бинтуя ногу.

— С тебя бы вышел портрет эскулапа.

— Все по науке. Подсчитал биоритмы — сегодня мой день неудач. И точно — задел топором ногу. Так что лететь — завтра, если погода получится.

— А нога?

— Вторая же целая, — шутит Валера, — двух бед подряд не бывает.
Так было вчера.

Белый дельтаплан Радзянива скрылся за выступом. Я хотел присесть, опуститься на траву, но вдруг увидел, как все вскочили, замерли на мгновение и веером бросились вниз. На краешке моего сознания запечатлелся сверкнувший под солнцем парус. Не гладкий, расправленный упругим потоком, а сморщенный, жалкий и вялый, как клочки пены от только что схлынувших волн.

Вынужденное нудное безделье.

— Валера, а если флаттер? — возобновляется разговор.

— Всякое бывает, — отвечает Радзянив, — представь, если можешь... Парус схлопнуло... Вместо паруса тряпка... Нет опоры... Сознание клинит... Замораживает... Флаттерное пикирование. В большой авиации это — обвал!

— А на дельте?

— Даже во сне не подарок.

Так было вчера.

— Не могу я на это смотреть, не могу, — причитал на бегу чужак в шортах.

— Увянь, — пробормотал я, задыхаясь.

Я бежал вниз и вдоль склона — туда, где скрылся за выступом склона мелькнувший прощальным платком парус. Рядом, сбоку и впереди тоже бежали, все бежали, как обожженные. Я обогнул выступ и сразу увидел белый дельтаплан Радзянива и первых двух, что подбежали *туда*. Стало легче — *там* кто-то есть, они уже там. И я подбежал третьим. Валеру успели отстегнуть, положить на спину и снять шлем.

От нечего делать «расстреливали» фотопленку.

— Запечатлей для истории, — говорит Валера, — хотелось бы разок заиметь фото. Пришли, если получится.

— Заметано. Это как раз последний кадр. Ты никогда не просил. Вышлю с доставкой на дом, — обещаю я и прячу фотоаппарат.

Так было вчера.

В небе кружили два дельтаплана. Они взлетели раньше. Оттуда, сверху, все было видно. Возле Валеры сидел на корточках Виктор. Не два его глаза, а две голубые пробоины смотрели в мои глаза.

— Нет, — сказал я, нащупывая пульс.

Черный зрачок Валеры косил в землю. Меня куснуло пустотой уверенности.

— Надо что-то делать, — шептал Виктор, — надо делать, пока не поздно.

— По инструкции после вдоха пять надавливаний, — отвечал я ему.

Партия в шахматы, а с нею и бензин, остались за Радзянивом. Чужак — над шортами мохнатое брюхо, трудно сопя, отцеживает из канистры проигранные литры. Валера заливает бензин в примус, ставит чайник на огонь и, вручая проигравшему свою ставку — комплект чертежей дельтаплана, говорит: «Вам презент к чаю».

Так было вчера.

Все собрались поодаль. Что мы могли им сказать! Виктор, убрав волосы, приник к окровавленным синим губам. Сделав первый вдох, он приподнялся, а я, отсчитывая пять надавливаний на грудь, видел, как мутно влажнеют его глаза. «Этого не может быть» — говорил я ему взглядом, хотя чувствовал, что ничего изменить нельзя.

Поодаль три десятка глаз ждали ответа. Если бы было можно, если бы только было можно перелить хоть частицу своей жизни в эту грудь — отдавали бы без задержек. Ему, который несколько мгновений назад держал в руках трапецию дельтаплана.

И снова вечер у догорающего костра.

— *Это декорации, блажь — дельтаплан с парашютом, противопокирующее устройство... Научись парашютировать на дельтаплане — вот и вся безопасность во имя полета. На том стояла и стоять будет. Пошли в логово, детки. Сыграю вам колыбельную. Отдохнуть хочется влать, — говорит Радзянив, протягивая ладони к угасающим углям.*

Так было вчера.

Побежали за машиной. Чудак в шортах суетился, как хорек у разоренной норки. Он порывался съездить в город за скорой, или за водой, или куда-то еще, но повезти Валеру отказался наотрез, больше всего опасаясь за сидения в машине, которые могли испачкать кровью. Он мешал, и его в сердцах оборвали. Он отошел в сторону и затих. Дельтаплан его теперь не заинтересует, ему будет о чем поговорить с супругой.

Помнится, первую страницу календаря мы открыли в Карпатах. Собрались из разных мест. Новогодняя ночь старилась на верхушках гор. Феерическое скольжение лунного света и чернеющий сруб на снегу. Походный праздник на пне — фразы, тосты, посуда, консервы. Флажманом среди нас Радзянив. Стаканы полны. И скоро утро.

— *За тех, кто в трапеции, — говорит Валера, поднимая стакан.*

Так начинался год.

Нужно было сменить Виктора. Только мгновение я не решался прильнуть к приоткрытым Валериным губам, но припал, охватил пересохшими вмиг своими и выдохнул в распростертое тело весь запас своих легких. Когда подошел автобус, меня сменили. Видели вы когда-нибудь автобус с носилками? Это такой автобус, в котором увозят погибшего друга. Те, кто поехал с Валерой, все еще пытались вернуть ему жизнь.

Еще помнится ливень. Мы укрылись под парус Радзянива в отрешенном мире. Валера разглядывает пузыри провисшей ткани, вобравшей озерца дождевой воды. Порыв ветра подбрасывает парус, как благословение над нашими головами, силится перевернуть дельтаплан на мачту. Валера успеваеет придержать трапецию. Мы сдвигаем нос аппарата в сторону, и парус никнет, укладывается на боковины и снова в нем провисают тяжелые пузыри.

Ливень будто угодил в вечность.

Наше молчание было безгрешным. Врач из скорой, перехватившей автобус на дороге, говорил, что Валера погиб сразу. Кто-то вспомнил, как Радзянив, размельчая сушняк для костра, зацепил топором ногу. Это было вчера. А сегодня решился лететь. «Двух бед подряд не бывает» — сказал он тогда. Случилась одна — несчастье.

Лет пару назад упал новичок. И Старик Кобзев немедленно закрыл полеты.

— *Дед, инквизитор, выпусти покрутиться на часик. Смотри, как комфортабельно дует, — проникновенно уговаривает Валера.*

— *Даже не надейся. Мне, может быть, тоже чего-нибудь хочется.*

— Говорю тебе — чего зря терпеть. Сначала я, потом ты, а то давай вместе. Какие проблемы, аппараты — вот они, дожидаются. Хочешь, я тебе свой уступлю?

— Не подстрекай, Валерик. Это точка. Можешь пока на дудочке посвирелить.

На машине примчался Старик Кобзев. Он, как и прежде, отвечал здесь за полеты.

— Что?! — закричал он, соскакивая на ходу с подножки.

Мы, подняв головы, в упор посмотрели на него.

— Кто?! — коршуном набросился он на паузу.

— Радзянив.

— Валерик. — Сел на траву, задыхаясь, Кобзев.

Белый дельтаплан Радзянива, поднятый на гребень, сиротливо стоял, погрузив нос в пучок пожелтевшей травы.

Вот и все. Все, что случилось. Мы отправились на попутной колыхаге в поселок. Очередь в столовой изнывала от духоты. Мне не хватило места за столиком, и я подсел за другой, к молоденькой провинциалке. Она аккуратно доедала рагу. Я пожелал ей приятного аппетита, а она мне — вкусно поесть. Она вежливо жаловалась на скуку, а перед моими глазами мерными движениями маятника покачивалось разбитое лицо Валеры. На моих губах оставался вкус его губ, и даже воздух, который я выдыхал, казалось, пахнет мертвым. Как будто во мне разрасталось последнее страдание Радзянива, когда навстречу ему неслась земля.

Встав на дыбы, неслась навстречу земля. Мысли — усеченные позывные. Эхо бедствия... Вскачь... Не остановить... Глыбы... Трещины... Нет опоры... Парус... Схлопнуло... Ноги вперед... Не успеть... Камни... Обвал... Или сон... Глыбы... Впадины... Прочь... Проснуться... Хруст... Темнота... Боль... Скрежет... Мелькает... Где...

Мне было больно. Виктор долго держал в руке пустую флягу. Он очень внимательно смотрел на меня, потом поднял стакан.

— За тех, кто в трапедии, — тихо сказал он.

Я кивнул. Я не искал слов. Стены столовой мокро подрагивали в моих глазах. Случилось несчастье, мы заболели им. Казалось, навсегда и неизлечимо, а многое другое потеряло значение.

Приторно пели цикады. Перед моими глазами то покачивалась голова Валеры, то возвращалось улыбающееся вечерней радостью лицо малознакомой девушки. Мы подошли к морю и сели на два одиноких валуна. Клочки пены от только что схлынувших волн растворялись на песке у наших ног. Мы долго оставались так, но мне вдруг захотелось почувствовать, что завтра снова соберу в полет дельтаплан.

В горах весною цветут маки. Осень пятнит горы бордовой отцветью. Бывает, мы возвращаемся сюда. Привозим походный скарб и помним. Но здесь нам дышится труднее, чем новичкам. В облепиховой роще льются долгие в сумерках беседы. А ближе к полуночи, когда догорают костры, вдоль палаток крадется тихий напев. Это Виктор выуживает из свирели Радзянива минорные звуки украинской песни. За тех, кто в трапедии.

